

17 октября исполняется 80 лет одному из самых читаемых на постсоветском пространстве прозаиков, председателю Союза писателей Белоруссии Николаю Чергинцу — человеку, которого за многогранность творческих заслуг включили в Книгу рекордов Гиннеса.

Судите сами: Николай Чергинец не только литератор, но и учёный, кандидат юридических наук, авторитетнейший сотрудник системы внутренних дел — генерал-лейтенант внутренней службы, известный политик, долгие годы возглавлявший Постоянную комиссию по международным делам Совета республики белорусского парламента, а в юности — ещё и достаточно известный футболист, игрок нескольких команд мастеров, выпускник Высшей школы тренеров... Перечень можно продолжать и продолжать. Одно только афганское прошлое писателя заслуживает отдельного повествования...

Присоединяясь к многочисленным поздравлениям Николаю Ивановичу со славным юбилеем, мы желаем ему здоровья, творческого горения и новых замечательных произведений. А также публикуем несколько отрывков из документально-художественной повести Анатолия Аврутина «Человек из Книги Гиннеса», в которых рассказывается о детских годах писателя, совпавших с периодом военного лихолетья.

Анатолий АВРУТИН

Человек из Книги Гиннеса

повесть о Николае Чергинце

Колька

Тошая, с выпирающими рёбрами кляча, постоянно понукаемая возницей, медленно тащила под гору сани, всякий раз удивлённо озираясь на щелчки кнута. Изредка она ещё ускоряла бег, но как только начинался небольшой подъём, кобыла, скользя стоптанными копытами по разбитой наледи, переходила на шаг. Иногда и вовсе останавливалась, не обращая ни малейшего внимания на увещевания напрасно дёргавшей за вожжи женщины, и тогда возница, горько вздохнув, слезала с саней, рылась в кармане драного тулупчика и совала в зубы лошадке чёрный сухарь с кое-где прилипшими крошками махорки. И тулупчиком, и сухарями на дорогу одарила её многочисленная мужняя родня в деревне Славгород, что на Сумщине, куда Елена Петровна с четырьмя детьми, оставив крохотульку младшенькую на попечении мужа и старших дочерей, приехала погостить перед самой войной. Думали, на пару недель, а задержались до первого снега...

— Слышь, Ленка, уезжать вам отсюда надо, — однажды за ужином, виновато опуская глаза, произнёс деверь. — Вишь, как полицаи лютуют. Ты хоть и нездешняя, и многодетная, но ведь на это не посмотрят, когда узнают, что сестра твоего Ивана замужем за бывшим председателем колхоза, который теперь партизанами ко-

мандует. Не дай бог, с вами что случится, век себе не прощу.

— Как они разберутся, где кто, когда у вас почти вся деревня — Чергинцы? — попробовала отшутиться Елена Петровна, вздрогнув от мысли, что им одним придётся добираться в такую даль. На Украину-то поездом ехали...

— Дознаются, — окончателно помрачнев лицом, сплюнул, гася самокрутку, деверь. Пальцы у него были жёлтыми от курева, и самокрутку он, экономя драгоценную махорку, завернутую в не менее драгоценную бумагу, докуривал до самого конца, гася окурок плевком только тогда, когда начинали нестерпимо припекать даже привычные к жару пальцы. — Дознаются. Есть кому выслужиться... И не посмотрят, что Валерке два, а Кольке четыре... Нет, Ленка, ехать вам надо... Лошадь дадим, кое-что на дорогу тоже... — Он не договорил, зайдя в продолжительном приступе типичного для махорочников кашля, махнул рукой, зачерпнул погнутой алюминиевой кружкой воды из кадучки и выскочил в сени, откуда ещё долго раздавался его надрывный кашель.

В дорогу их провожал почти весь Славгород: обнимали, плакали, дарили кто что мог. Слов было мало — каждый понимал, на что идёт эта женщина. До Минска вон сколько. И весь путь через бездорожье, мороз, метелицу... И, главное, через немецкие кордоны...

* * *

Четырёхлетний Колька, заботливо накрытый двумя тулупами, уютно устроившись на тёплом плече двенадцатилетней Марии, сладко посапывал, пока мать в очередной раз уговаривала кобылу стронуться с места. Ему снилась их минская комната на улице Танковой, казавшаяся четырёхлетнему пацану огромной, грезились любимая деревянная машинка, кухня с множеством вкусных запахов и всегда тёплой, совсем как сейчас сестринское плечо, русской печью. На полу стоял чугунок с оставшимися от обеда щами. Кольке приснилось, что он тянется к чугунку, пытаясь достать его с высокой плиты, подтягивает к себе большим закопчённым черпаком. Одно неосторожное движение, и чугунок падает, а вкусное варево медленно растекается по полу, затекая в широкие щели между половиц.

— Мама, мама! — неистово заорал пацан, подхватываясь и сбрасывая с себя тулуп. — Мама, я щип пролил.

— Тише, тише, Коленка, спи, — Елена Петровна ласково прижала сына к груди, уложила обратно. — Там впереди, за поворотом, деревня, может, кто нас и покормит... А тебе щей дадут... — Она печально улыбнулась и тронула под уздцы конягу, которая на сей раз без лишнего понуканий двинулась с места.

* * *

Младших, Кольку и Валеру, мать в тот вечер уже загнала спать на печь, сестрёнка тихо посапывала в люльке, когда в дверь условным шифром тихо постучали. Колька сразу запомнил этот стук: вначале три удара подряд, после короткой паузы ещё два, потом ещё столько же. Мать подхватила, набросила на шею платок, сняла крючок с входной двери. Гости вначале о чём-то жарко шептали матери в сенях, потом, всё ещё тяжело дыша, вошли в комнату. Один из приехавших держал на руках девочку двух-трёх лет, его спутница продолжала объяснять Елене Петровне: «Алексея это дочка. Видишь, коростой вся заросла. Погибнет она в болотах, отряд-то в блокаде. Спрятать надо...».

Колька, свесившись с лежанки, слушал и сбивчивые уговоры гостей, и голос матери, которая, уже начав переодевать ребёнка, всё повторяла, что если сосед дознается и наведёт немцев, то не пощадят никого, а у неё вон сколько ребятни в доме. Она не зря всякий раз вздрагивала, когда во время обыска или облавы фрицы приближались к сундуку, особенно когда в подполе прятались посторонние, а уж когда Зинка или Женя чистые бланки аусвайсов партизанам несли, вообще места себе не находила. Разговаривая, Елена Петровна успела не только переодеть девочку, но и собрать на стол незамысловатый ужин. За ужином она и рассказала гостям о том, что зача-